

тожь даннаго намъ времени въ согласии съ этой волей, которая послала насъ въ міръ и въ согласии съ ней уйти изъ него. Воля же эта хочетъ,—по вашему толкованію,—только любви людей къ людямъ". Но „прожить“, развѣ значить, что нибудь дѣлать? Развѣ жизнь есть дѣло? Во всякомъ случаѣ наша жизнь не наше еще дѣло... Нѣть указанія на дѣло и въ словахъ—„прожить въ согласии съ тою волею, которая послала насъ въ этотъ міръ“, потому что воля эта, по вашимъ словамъ, заключается только въ томъ, чтобы люди любили другъ друга. Но любить также не значитъ, что нибудь дѣлать; любовь—не дѣло, а чувство, въ чувствахъ же нашихъ мы не вольны, мы не сами въ себѣ ихъ вырабатываемъ, мы уже создаемся съ тѣми или другими, чувствами, и эти чувства лишь побуждаютъ насъ на то или другое дѣйствіе. Но наши чувства по большей части эгоистичны и направляютъ насъ на недолжное, какъ это вы и сами признаете въ вышесцитированномъ письмѣ вашемъ, говоря (на стр. 838),—какъ это любить Бога и ближняго, „*тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ*“. Поэтому-то и важенъ чрезвычайно такой строй жизни, который направлялъ бы насъ по надлежащему пути, только при надлежащемъ направлении нашей дѣятельности, мы могли-бы побороть и наши чувства, толкающія насъ на недолжное. Вы же только о томъ и заботитесь, что-бы разбить всякій строй; вы не хотите, чтобы родъ человѣческій создалъ изъ себя стройное цѣлое хотябы въ будущемъ, хоть когда-нибудь. Правда, на стр. 840 того же письма, вы называете смѣшнымъ и жалкимъ стараніе усовершенствоваться въ одиночку, невозможнымъ и глупымъ—„*дѣлать добро для себя въ одиночку, безъ людей*“; однако, для чего нужно общество людей, если все дѣло въ томъ, чтобы *не сердиться, не блудить, не клясться, не судиться и не воевать?* Въ одиночку все это исполнить гораздо легче, чѣмъ съ людьми,—только съ людьми можно и сердиться, и судиться и все прочее. Для чего нужно общество людей, если все дѣло *каждаго* только въ томъ, чтобы прожить короткій, отмежеванный ему срокъ и отмежеванный ему одному, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ каждому другому отмежевано свое время. И любить людей, по вашему,—т. е. не опредѣленныя личности, а любить *всякаго*, какъ сына Божія, а потому и брата, т. е. любить не настоящаго живаго человѣка, а свое представлѣніе, гораздо легче въ одиночку, такъ какъ настоящій живой человѣкъ всегда окажется несогласнымъ съ моимъ представлѣніемъ человѣка, какъ сына Божія, т. е. съ мою иллюзіей. Что вамъ не нужно людей, это вы свидѣтельствуете въ томъ же письмѣ, которое здѣсь много разъ цитировано: на стр. 843 и 844, признавая себя виноватымъ въ неисполненіи пяти заповѣдей, въ которыхъ по вашему вся сущность ученія Христа, вѣѣ исполненія которыхъ нѣть разумной жизни, вы однако говорите: „но при томъ не столько въ *оправданіе*, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и одной десятитысячной, это правда, и я виноватъ въ этомъ; но я не исполняль не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ; научи-